

КУЛЬТУРА

«Дети полуночи» Салмана Рушди

Салман, помнящий родство

Кирилл Решетников

Данная книга стала, так сказать, бужероносной в квадрате: за этот внушительный фолиант автор был удостоен британского «Букера Букеров» — премии за лучший из отмеченных «Букером» романов. А газета «Гардиан» включила «Детей полуночи» в список лучших книг века. Оно и понятно — английский язык у Рушди, наверное, лучше некуда (англоязычное образование не прошло даром), а манера повествования имеет явственные признаки этакого магического реализма и выдает хорошее знакомство автора с европейской романной традицией. При этом наблюдается также изобилие местных приностей. Прихотливо сервируя их, автор в порядке индивидуальной инициативы создает (или пытается создать) нечто вроде особого, специфически индийского, если угодно — постколониального стиля. Что для большинства западных литературных арбитров тоже несомненный плюс. В отличие от пресловутых «Сатанинских стихов» более ранние «Дети полуночи» не стали поводом к заочному смертному приговору со стороны исламских фундаменталистов, но уже здесь виден резвый прыжок за единственно приемлемые для многих восточных читателей консервативные рамки. В огромный пейзаж, нарисованный не только чаем, но и множеством других подручных материалов, уместилась более чем полувекковая политическая история Индии и Пакистана вперемежку с замысловатой семейной хроникой. Но сказать так — не сказать ничего: самое главное заключено в авторском взгляде. Взгляд же этот определяется двумя вещами: иронией и критикой.

Герой-рассказчик по имени Салем Синай, выросший, как и сам Рушди, в бомбейской мусульманской семье, с самого начала огорошивает нас комическим решением религиозной темы. Дед Салема Адам Азиз однажды до крови ушиб нос во время молитвы, что окончательно заставило его сойти со стези правоверных. Его приверженность традиционным устоям, впрочем, к тому моменту уже была поколеблена за время жизни в Германии, где он общался с анархистами. В общем, заставь космополита Богу молиться, он и нос расшибет. Отрыв от корней вместе с его философскими и бытовыми аспектами не то чтобы становится самой главной темой, но определяет авторскую интонацию. Создатель текста как будто бы тоже пережил некий ушиб, и с тех пор его проникновение в родную культуру, сколь бы глубоким и серьезным оно ни было, неизменно сопровождается беззвучным посмеиванием и незаметным, но хорошо ощутимым внутренним тиком. Что, естественно, заставляет еще раз констатировать закономерность радостного приема Рушди в западном мире и ставит удачливого индуса в знаменательный ряд раскрученных изгоев с Востока.

О достоинствах романа можно говорить очень долго. Несмотря на то что внимание к мелочам и стилистические изыски порой заслоняют сюжет, в богатстве содержания Рушди не откажешь. «Дети полуночи» — роман о рождениях и перерождениях, двойном происхождении, сложной идентичности. В качестве «стартового механизма» срабатывает классическая коллизия подмены детей: в раннем детстве Салем и его соперник по имени Шива «поменялись» родителями — е-

стественно, вовсе не по своей воле. Салем попал в буржуазную семью, а Шива — в рабочую. Каждый из них, таким образом, родился как минимум дважды и обрел две разных родни. Однако этого мало. Самые разные герои вдруг переименовываются, таким образом как бы тоже рождаясь заново — пусть и в еще более фигуральном смысле, а сын Шивы опять-таки обретает второго отца, будучи усыновлен Салемом. Идентификация героев столь же неоднозначна, как и характер самой Индии, тоже имеющей двойную идентичность — традиционную и колониальную — и тоже переживающей второе рождение при переходе к независимости. С которым, в свою очередь, совпадает по времени рождение Салема. Собственно говоря, двойное культурное происхождение как нельзя более характерно для самого Рушди, и весь роман представляет собой образчик своего рода душной шизофрении. Что, конечно, делает его только интереснее.

Салман Рушди. Дети полуночи / Пер. с англ. А. Миролюбовой. — М.: Лимбус Пресс, 2006. — 760 с.